

О ГИЛЬДЕБРАНДТ Л. К. — в ОГПУ
О ГИЛЬДЕБРАНДТ Л. К. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ГИЛЬДЕБРАНДТ Л. К. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГИЛЬДЕБРАНДТ Лидия (Екатерина) Константиновна, родилась в 1889. До 1914 проживала в Кронштадте, вышла замуж за морского офицера, затем переехала с семьей в Гельсингфорс. С октября 1917 — вдова с маленькой дочерью (матросы убили ее мужа), в ноябре переехала в Петроград. Была прихожанкой католического храма. В 1920 — вступила в Третий орден Св. Франциска с именем Екатерина (терцианка-францисканка). Осенью 1922 — основала сестричество при русской католической церкви Сошествия Св. Духа. В марте 1923 — стала председателем организованного общества Конференция Св. Викентия. 10 января 1924 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 мая приговорена к 10 годам тюремного заключения со строгой изоляцией и отправлена в Костромскую тюрьму.

В августе 1925 — юридической комиссией Помполита было передано заявление ее дочери Лидии в ОГПУ.

<18 августа 1925>

«В ОГПУ

ГИЛЬДЕБРАНДТ Лидии,
прож<ивающей> по
Малому прос<пекту>, 76/78
в г<ороде> Ленинграде.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Моя мать ГИЛЬДЕБРАНДТ Лидия Константиновна была арестована в 1924 году по делу церковников и постановлением Ос<обого> Совещания по высылкам при ОГПУ осуждена на 10 лет тюремного заключения со строгой изоляцией. В настоящее время мать содержится в Костромской тюрьме и с момента прибытия в тюрьму находится на излечении в лазарете.

Мне 12 лет, я осталась совершенно одна без всяких средств к жизни и живу на иждивении у совершенно чужих людей, приютивших меня после ареста. Жить мне с каждым днем становится все труднее и труднее. Мне надо учиться, средств у меня нет никаких, купить учебников, обуви и т<ак> д<алее> я не в состоянии и благодаря всему этому я продолжать учение не могу.

Все вышеизложенное заставляет меня обратиться к Вам с просьбой о пересмотре дела моей матери и в виду ее болезни и моей одинокости заменить ей тюремное заключение ссылкой на поселение, где бы она могла зарабатывать себе кусок хлеба и, взяв меня к себе, дать мне необходимое образование»¹.

На письме — пометы заведующего юридическим отделом Помполита:

«Копию заявл<ения> направ<ить> в С<екретный> О<тдел>. 24/VIII».

«Исп<олнено>. 4558. 28/VIII-25».

В июле 1927 — Лидия Константиновна Гильдебрандт была переведена в Ярославский политизолятор. В январе 1932 — отправлена в Москву и до марта находилась в Бутырской тюремной больнице.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 67. С. 101. Машинопись.

В марте 1932 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью ее сестра Л. Недзвецкая.

<8 марта 1932>

«Гражданка Пешкова!

Еще раз смею Вас беспокоить относительно моей сестры, Лидии Константиновны Гильдебрандт. Она мне сообщала, что сердечно заболела, сердце ее плохо, желудок вызывает боли, и кроме того, должна ей быть операция на ноге, точнее не пишет. И как писала, ее отправили в больницу, может быть, даже в Москву. Я очень беспокоюсь о ней, не имея от нее давно ничего, а главное, посылка, посланная мною на Праздник, вернулась на днях обратно. Послала в Ярославль в политизолятор, где она была, но ответа пока нет. Решила обратиться к Вам, беспокоить еще раз Вас просьбой, навести справки, в каком городе или в какой больнице она лежит.

Извините меня за беспокойство.

Уважающая Вас Л. Недзвецкая.

Плеханова, 19»².

13 марта 1932 — Лидия Константиновна Гильдебрандт, благодаря ходатайству Е. П. Пешковой, была освобождена из политизолятора, но с ограничением проживания на 3 года (в 6 крупнейших городах и пограничных областях).

<29 марта 1932>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна. Вы не знаете меня, лично я видела от Вас так много внимания к моим нуждам, какого не видела никогда от моих родных; и это доброе отношение дало мне право обратиться к Вам с этим письмом. Моя фамилия Гильдебрандт Лидия Константиновна. Я имею от Вас в последний раз помощь от 3-го декабря 31 г<ода> за № 67-40 и от 9-го декабря текстильная на 200 р<ублей>, за которые еще раз сердечно Вас благодарю.

Мое положение в настоящее время резко изменилось. 22-го марта³, я получила извещение об освобождении меня из мест заключения ОГПУ. Справка эта выдана мне для предъявления по месту жительства. Извещение об освобождении застало меня в постели, после перенесенной операции в спецбольнице Бутырского изолятора, 7-го января, вследствие повторного воспаления. Операция была произведена лишь 11-го марта, а на 12-й день я на носилках, освобожденная, была перевезена в городскую больницу имени д<окто>ра Боткина. Две ранки открыты; рана гноится. Я боюсь, что меня могут выписать с еще незажившими ранками, нуждающуюся в амбулаторном лечении, а я в Москве никакого приюта не имею и рассчитывать ни на чью помощь не могу. Неоправившаяся, нетрудоспособная, что я буду делать? Моя специальность сестра медицинская. К родным обратиться я не могу и не хочу; я не имела от них помощи в тюрьме, когда я в ней так нуждалась. Я решаюсь обратиться только к Вам, дорогая Екатерина Павловна, со следующими просьбами:

1) Дайте мне возможность окрепнуть после более восьмилетнего заключения и перенесенных болезней, операции, для чего необходимо Ваше содействие об оставлении меня в больнице, вплоть до полного выздоровления.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 737. С. 72. Автограф.

³ Само Постановление от 13 марта 1932 года.

2) Окажите мне помощь передачей, стоимость которой я с радостью возьму, как только смогу работать.

3) Дайте мне займы 100 р<ублей> на тех же условиях, на которые я могла бы покупать молоко и белый хлеб. У меня больной желудок; все время на диете в больнице. Они необходимы будут мне и на первые дни моей свободы, т<ак> к<ак> я буду нуждаться в питании, в покое.

4) Вопрос интимно-семейный: вопрос о моей дочери, оставленной мною при аресте малолетним ребенком. Она у меня одна, более трех лет я не имела от нее ни одного письма и год никакого известия о ней. Тяжелая тоска овладевает мною при мысли, жива ли даже она?

Есть ряд вопросов более мелких, хотя бы о моих вещах, оставленных в Ярославском политизоляторе; часть осталась даже не сложенными.

Я была бы безгранично счастлива, если бы могла увидеть Вас и переговорить с Вами. Я знаю, как заняты Вы, но Ваше доброе отношение ко мне дает мне смелость, высказать Вам мое горячее желание увидеть Вас или уполномоченного Вами. Я пока не знаю, как смогу я переслать вам это письмо, но на всякий случай сообщаю свой адрес, часы и дни приема: Октябрьское Поле, больница имени д<окто>ра Боткина, корпус № 10, палата № 146. Приемный день 1 апреля, следующие через каждые четыре дня; от 3-4 ч<асов> и от 6-7 вечера: 1-го — 6-го — 11-го — 16-го — 21-го — 26-го, но после 6-го я не надеюсь на оставление меня в больнице.

Глубоко уважающая Вас и благодарная

Л. Гильдебрандт.

29/III – 32 г<ода>»⁴.

Лидия Константиновна Гильдебрандт, благодаря помощи Помполита, в марте-апреле-мае находилась в больнице, лишь 23 мая 1932 — она выехала из Москвы, а через три дня по прибытии в Липецк обратилась к Екатерине Павловне Пешковой.

<27 мая 1932>

Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Спасибо, сердечное спасибо за Ваше доброе отношение, за оказанную мне помощь, это было для меня такой громадной нравственной поддержкой, которую никогда-никогда не забуду. Так спасибо же Вам еще и еще раз.

Добралась я до Липецка с рядом затруднений. Московский поезд не совпадает по расписанию с поездом, идущим на Липецк. Пришлось сутки провести на вокзале. Обед с кусочком хлеба стоил 1 р<убль> 80 к<опеек>, ужин 1 руб<ль>. Не скажу, чтобы это было вкусно, но еда была горячая. В буфете чай с сахаром 10 к<опеек>. Страдала очень от отсутствия воды в дамской комнате; мылась из бутылочки, за пределом вокзала.

Маршрут нам был да неправильный. Надо было ехать с Казанского на Грязи; на другой день к 6 часам вечера я была бы в Липецке. По этой дороге есть даже вагон спальный прямого назначения. В общем же все было хорошо; в 12 час дня 24-го я была у сестер⁵. Родная, милая встреча... Моя белая голова, бледность, опухшее лицо до слез поразили их: "Ты и не ты".

Из учреждения получила удостоверение личности только на один месяц; пока не придут бумаги на меня. Так ли это? Кем я считаюсь? Административно высланной? Я могу свободно уехать в другой город или должна сообщать об отъезде? Мне было сказано, что я свободна в

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 737. С. 61-63. Автограф.

⁵ Имеются в виду сестры-монахини общины русских католиков.

передвижении и только должна сообщать свой новый адрес. Противоречие с тем, что мне было сказано 21-го и 22-го, навело уныние. Я очень прошу Вас узнать о моем праве на паспорт; прошу, возьмите справку о постановлении Коллегии от 13 марта 1932. Я подписала в спецбольнице только постановление об освобождении. Еще очень прошу узнать, на сколько времени я лишена права въезда в столицы.

Вещей, конечно, нет. Напомните тов<арищу> Денисевич об отправке их. Сестры бедствуют; бедняжки в большой нужде, не имеют на всех даже одеял, постельного и по смене нет. Покрываюсь пальто; сплю на ватнике из-под него. Антигигиенично и даже опасно при открытой ранке, а перевязка часто сползает. Ноги болят, к моему горю, опухли; правая, как бревно. Доктор велел лежать с приподнятыми ногами, и я опять без воздуха. Сегодня вызываем специалиста из поликлиники, и затем пройду через комиссию, если это удастся. Диетического питания в столовой нет; белого хлеба — нигде.

Посылаю Вам список моих вещей: все это уложено в чемодан и корзину, я части связала отдельным узлом. При отправке меня в больницу не было завхоза, и я не смогла получить *porbe-pleid*. Бурки, присланные Вами, как неподлежащие выдаче, оставлены в кладовой; помечено в посылочном акте. На примус, тазы, вещевой брезент, радио-наушники и т<ак> д<алее> есть квитанция № 47 (вещи арестованных).

Дорогая Екатерина Павловна, прошу Вашего содействия в деле получения моих вещей (упаковке и отправке их). Это все мое имущество. Сестры в Липецке сами не имеют многого, что совершенно необходимо; я не думала и не подозревала о такой нужде.

Мой искренний и сердечный привет Вам и Вашим сотрудникам. С глубокой благодарностью вспоминаю милую Евгению Николаевну.

Всего Вам доброго.

Искренне уважающая и благодарная

Л. Гильдебрандт.

27/V-32 г<ода>»⁶.

В сентябре 1932 — Лидия Константиновна Гильдебрандт вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<23 сентября 1932>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Вчера 22-го меня известила почта, что на мое имя есть посылка; придя за ней, я узнала, что посылка не одна, а целых три и к тому же еще деньги. Радости не было конца. Вчера же послала Вам телеграмму с сердечной благодарностью, а сейчас хочу еще раз поблагодарить Вас. Все дошло до меня в полной сохранности. Спала эту ночь под одеялом, на простынке, и это так кстати: я болею. Вновь открылась ранка, опухла. Умственный труд мне не под силу; врач дал мне справку, что я могу быть занята только легкой работой и неответственной. К моему глубокому горю, я инвалид, придется подыскивать более легкий труд, не переутомляющий меня.

Я просила Вас и еще раз прошу прислать мне копию справки, подписанной мною в спецбольнице, что я освобождена из мест заключения ОГПУ, а то я числюсь административно высланной и, притом, бессрочной, когда я никакого постановления Коллегии о замене мне заключения высылкой не подписывала и мне таковой никогда не объявлялся. Сделайте, исполните мою просьбу, очень прошу Вас.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 737. С. 59-60. Автограф.

Примите мою глубокую благодарность за доброе отношение, дорогая Екатерина Павловна. Вы сделали для меня так много, так незабываемо много. Спасибо. Спасибо Вам без конца.

Мой глубокий привет В. Г., Е. Н.

Глубоко уважающая Вас Л. Гильдебрандт.

Липецк,

ул<ица> Плеханова, д<ом> № 19.

Р. С. Я ждала посылку, но мне не пришло в голову справиться: нет ли их "до востребования", — и что было причиной посылки писем, телеграмма. Первая посылка пролежала на почте 24 дня.

Всего Вам доброго Л. Гильдебрандт.

23/IX-32 г<ода>»⁷.

В феврале 1935 — Лидия Константиновна Гильдебрандт, проживавшая в Вологде, просила передать сообщение для Екатерины Павловны Пешковой.

<21 февраля 1935>

«Многоуважаемая Вера Григорьевна!

Я вчера очень растерялась и не сообразила сказать Е<катерине> П<авловне>. Прошу Вас сказать ей, что я очень прошу сделать перевод <денег> Кл. Л. Быстрицкой (адреса ее я не знаю, можно на меня).

Если же это почему-либо невозможно, то я данные мне 3 р<убля> отдам ей, т<ак> к<ак> она в худшем положении, чем мы с мужем.

Лидия Гильдебрандт»⁸.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Вместо 3 р<рублей> Гильдебрандт пошлите по 2 р<убля> обеим. ЕП».

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 737. С. 70-72. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1338. С. 144. Автограф.